

М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с. (Фундаментальные словари.)

Словарь подготовлен тремя сотрудниками Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, фонетистами самого высокого уровня, много десятков лет занимающимися русской фонетикой – как фонетикой русского литературного языка, так и фонетикой диалектной. Словарь этот готовился в течение пятнадцати

лет, и работа над ним не была для авторов неожиданной: в течение многих лет они были в тесном научном контакте с такими столпами нашей фонетической мысли, как Р.И. Аванесов, А.А. Реформатский, М.В. Панов, С.С. Высотский. Однако этот Словарь ориентирован только на русский литературный язык и его

«правильное» произношение. Поэтому, как пишут авторы, в него не включены диалектизмы, жаргонизмы, просторечная лексика и узкоспециальные термины. И все же в нем 80 000 слов. Такого всеобъемлющего словаря у нас в России еще не было. Легко себе представить, какая колоссальная работа стоит за его созданием. Еще много лет тому назад мэтр лексикографии Х. Казарес подсчитывал, сколько теоретических монографий может быть за одно и то же время написано авторами какого-нибудь небольшого словаря.

Во вводной части «От авторов» высказано много благодарственных слов. Но их нет по отношению к издательству «АСТ-ПРЕСС КНИГА», выпустившему этот Словарь. И правильно – нельзя благодарить издательство, полностью исключившее из книги весь раздел на букву *Й*. Просто схлтурили, так что мне не удалось узнать, *йогурт* или *йогурт* нужно нам произносить.

Разумеется, авторы опираются на предшествующие издания российских орфоэпических словарей. Всего в «Списке использованных словарей» (с. 8) насчитывается 12 единиц. Но прежде всего состав Словаря был определен словником «Русского орфографического словаря» под редакцией В.В. Лопатина (2-е издание, М., 2007); значительное влияние на авторов, конечно, оказал и классический «Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы» С.Н. Боруновой, В.Л. Воронцовой, Н.А. Еськовой под редакцией Р.И. Аванесова (5-е издание, М., 1989), а также «Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение» Н.А. Еськовой (М., 1994).

Хотя в заглавии книги говорится о начале XXI в., авторы намного расширяют сферу своего анализа: Словарь представляет пользователю русское произношение в четырех вариантах: беглое, младшего поколения, старшего поколения и уже устарелое. Таким образом, русский язык дан в словаре в динамическом развитии, и многие диссертанты и просто научные работники-лингвисты извлекут из него обильный материал для своих исследовательских построений.

Загадочным образом русские люди (не лингвисты) больше всего интересуются двумя вещами: местом ударения в слове и этимологией. Более того, если обратиться в данном случае к социальной психологии, то легко заметить, что какое-нибудь замечание или совет «медицинского» характера принимается с благодарностью и уж наверняка без обид, тогда как совет лингвистического типа, замечание по поводу произношения адресата воспринимаются крайне болезненно и негативно. Поэтому об этом

Словаре уже ходят легенды. Утверждение нормы, декларированное нашими тремя авторами, может вызывать как радость согласия, так и обывательское отторжение.

Поэтому с самого начала хочется еще раз напомнить, что этот Словарь – издание академическое и на самом деле не предполагающее, что многие употребляющиеся в его теоретических объяснениях и положениях термины, вроде «орфоэпема», «зона ударения» и т. п., должны быть понятны каждому жителю Российской Федерации. Например, во Франции Словарь Академии готовился много лет и к его авторам относились с трепетом и почтением.

Итак, этот Словарь рассказывает нам, что представляет сейчас произносительная норма русского языка, причем рассказ этот ведется с позиций высокой филологии.

Что же такое все-таки языковая норма? Как кажется, лучше всего и проще всего об этом писал в свое время замечательный ученый Григорий Осипович Винокур. По его мнению, норма языковая – принятые в общественно-речевой практике образованных людей правила произношения, грамматические и другие языковые средства, правила словоупотребления. Нормы ударения, или акцентологические нормы, нарушаются в русском языке особенно часто. Это объясняется, во-первых, тем, что изменчивость норм приводит к неизбежному сосуществованию старого и нового вариантов, во-вторых, трудностью усвоения ударения, которое в русском языке является разноместным и подвижным. В приведенном определении ключевым является слово *образованных*, что можно перевести как: «Хочешь быть, как они, так и говори, как они». Подобный подход может вдохновлять, а может и раздражать.

Однако словарные статьи в Словаре дают богатую информацию о слове действительно для «широкого читателя» (пользователя, исследователя, учащегося, журналиста и т. д.). Каждая словарная статья открывается заголовочным словом, набранным жирным шрифтом и прописными буквами. Исходная форма для разных частей речи – привычная словарная и подробного описания в рецензии не требует. Достоинством словарных статей является их описательная гибкость. Там, где это необходимо, приводятся дополнительные формы и допустимые варианты. Запретительные пометы тоже градуированы: ! *не рек.*; ! *неправ.*; ! *грубо неправ.* Специально указывается так называемое «профессиональное» произношение. Можно сказать откровенно, что огромный массив проанализированных слов остался рецензенту абсолютно неизвестным и увиденным впервые, но приводить этот список нет смысла, так как

он очень велик и может показать культурную ограниченность рецензента.

Таким образом, словарные статьи не единообразны, они могут быть расширенными – там, где это, по мнению авторов, необходимо, или быть очень краткими. Например:

БОЛЬНО; больнее (с. 45);

БОЛЕУТОЛЯЮЩИЙ, может произноситься с дополнительным ударением: бо́леутоляющий \ б[э]леутоляющий и б[о]леутоляющий; бо[л'н'у]толяющий и бо[л'уу]толяющий, в беглой речи возможно бо[л'у]толяющий; в формах с сочетанием ющ: болеутоляющий... – болеутоля[йу]щий и болеутоля[и]щий (с. 45);

ТВОРОГ, творога и допуст. **ТВОРОГ**, твóрога (с. 822; последнюю форму рецензент считает просторечной и/или украинизмом).

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ, член-корреспондента, *мн.* член-корреспонденты, член-корреспондентам и члена-корреспондента, *мн.* члены-корреспонденты, членам-корреспондентам, обычно произносится с дополнительным ударением: члѐн-корреспондѐнт \ ч[л'е]н-корреспондѐнт; член-ко[р']еспондѐнт; член-корреспо[н'д']ѐнт; в форме член-корреспондѐнте, члене-корреспондѐнте – член-корреспондѐ[н']те, члене-корреспондѐ[н']те (с. 911).

Основной теоретический стержень Словаря мы находим в Приложении – «Орфоэпических правилах», написанных ответственным редактором книги Л.Л. Касаткиным. Этот тщательно подготовленный текст по сути представляет собой небольшую монографию, или учебное пособие, наверняка очень полезное для изучающих русский язык.

Л.Л. Касаткин начинает этот огромный раздел с определения того, что такое орфоэпия и – далее – чем она отличается от фонетики. Сначала дается определение довольно простое и ясное: «К орфоэпии относятся лишь такие произносительные нормы, которые допускают **вариантность в литературном языке**. Фонетические законы, не знающие исключений, относятся к области фонетики (а не к орфоэпии)» (с. 938). После этого жирным шрифтом приводится основополагающее определение орфоэпии, теоретический стержень, на котором и был построен настоящий словарь: «Основная задача описательной **фонетики** – изучение характера звуков и синхронических чередований звуков, реализующих фонемы в разных позициях, **орфоэпия** же рассматривает и оценивает главным образом произносительные варианты слов и словоформ, выступающих в одних и тех же фонетических позициях» (Там же). Таким образом, Словарь явно отстает от кодифика-

торской жесткости, которая, быть может, от него ожидалась. Итак, орфоэпия, в традициях Московской фонологической школы, рассматривает (но – не запрещает?) «вариантность реализации одних и тех же фонем и вариантность фонемного состава одних и тех же морфем при отсутствии позиционных различий» (Там же). Жаль, что в теоретической части более подробно не рассматривается соотношение русской орфоэпии и русской орфографии, про которую М.В. Панов писал: «А все-таки она хорошая!». Л.Л. Касаткин ограничивается лишь общей фразой: «Между буквами и звуками нет точного соответствия» (с. 939). В теоретической части «Орфоэпических правил» вводится понятие **орфоэпемы**: «Варьирующиеся в одной и той же фонетической позиции звуки или фонемы и варьирующееся в одной и той же словоформе или в первой основе сложного слова место ударения образуют орфоэпему» (Там же). К этому определению хотелось бы придраться. Во-первых, союз *или* должен соединять однородные по родовой принадлежности члены, а звуки и фонемы – явления разных лингвистических сфер; во-вторых, пример автора *рж[а]ной* и *рж[ы]ной* понятен, но трудно себе представить материальный облик орфоэпемы при сопоставлении *твóрог* и *творóг*.

Однако в последующих главах Л.Л. Касаткин строго следует намеченной им стратегии описания общей системы русского произношения. Он идет по следующим ступеням описательной лестницы: Гласные / Согласные. В рамках обеих групп сначала выявляется противопоставление отдельных звуков, затем двухкомпонентные сочетания внутри одной группы, затем трехкомпонентные сочетания. Эти сочетания в свою очередь рассматриваются в разных позициях слова, а также по их отношению к ударному и безударным слогам слова. Одновременно для каждой такой позиционной формы автор представляет пользователю (или читателю) – в тех случаях, когда это возможно – произношение обсуждаемого компонента в беглой речи и в возрастных нормах.

Великолепной находкой методологии описания нужно считать введение Л.Л. Касаткиным цифрового показателя для произносительной нормы консонантных кластеров. Так, на с. 962 автор сообщает о тенденции к отвердению былого мягкого согласного перед последующим мягким. Этот процесс идет поэтапно, и этапы обозначены в виде цифровых ярлыков:

1 – Только С'С'; 2 – С'С' и допустимо младшее СС'; 3 – С'С' и СС'; 4 – СС' и допустимо старшее С'С'; 5 – СС' и допустимо устарелое С'С'; 6 – Только СС'.

Таким образом, каждое орфоэпическое правило в дальнейшем описании снабжается

одной из указанных выше цифр, и читатель может с легкостью моделировать ситуации этого типа. Этот же метод применяется и при описании произношения двойных согласных, когда они могут произноситься как долгие или как краткие или даже исчезают перед таким же третьим согласным (с. 979). Здесь обозначения примеров такие:

1 – только СС; 2 – СС, в беглой речи возможно С; 3 – СС и допустимо С; 4 – СС и С; 5 – С и допустимо СС; 6 – только С; 7 – С, в беглой речи возможен нуль звука; 8 – нуль звука и допустимо С.

Самым удачным разделом «Орфоэпических правил» можно считать, по моему мнению, раздел «Ударение» (с. 993–999), где автор в табличной форме демонстрирует вариативность акцентных парадигм русского языка. Так, например, для имени существительного выделяются два типа неподвижного ударения и шесть типов подвижного ударения. Л.Л. Касаткин обозначает неподвижное ударение на основе буквой А, неподвижное ударение на окончании буквой В, подвижное ударение буквой С. Место ударения указывается порознь для единственного и множественного чисел. Основа обозначается квадратом, а окончание – кружком. Так получается ряд: АА, ВВ, АВ, ВА, АС, ВС, СА, СС.

Конечно, при внимательном чтении «Орфоэпических правил» возникают неизбежные для читателя-рецензента недоумения.

Во-первых, иногда неясно, идет ли речь о сочетании графическом или все-таки звуковом. Например, для комбинации *oe* приводится пример *военный* (с. 946), где явно присутствует [j].

Во-вторых, графическая подача примеров в «Орфоэпических правилах» и в основной части Словаря различна: в «Правилах» примеры даются курсивом, а в Словаре – жирным шрифтом. Поэтому и неясно, где транскрипция, а где графика.

В-третьих (это относится и к Словарю), на мой взгляд, слишком обильно представлены как примеры некоего типа русского произношения слова иностранного происхождения, которые слышать, тем более в беглой речи, как-то не приходится. Так, на сочетание *pp* перед передненебными (с. 975) приводятся только два примера: *дёррик* и *камóрре*. О [ц] на конце слова в сочетании *тц* пример *лутц* (с. 985). Допустимость произношения [уэ], [оа] демонстрируется примерами *буонфрэско* и *дуодэцима*. Как-то сомнительно слово-пример *кака́овый*. Некоторые пункты «Правил» иллюстрируются практически только иноязычными примерами. Например, таковы иллюстрации сочетания *oa*: *ано́а*, *бальбо́а*, *квино́а*, *кинóа*,

лофхло́а, *метазо́а*, *мо́а*, *протозо́а*, *эремопо́а*. Быть может, стоит исключить из общих правил те ситуации, когда для иллюстрации не удастся найти ни одного русского примера.

В-четвертых (это тоже относится и к Словарю в целом), создается впечатление, что авторы слишком увлечены гласным звуком среднего ряда среднего подъема [э]. При попытке все это именно таким образом произнести, как кажется, получалось некое произношение полуодесское, полублатное, во всяком случае – южное. Между тем я точно помню, как наш общий фонетический мэтр А.А. Реформатский произносил свою фамилию скорее с [ы] и говорил: «Я учил свою дочь не кикать и гикать, а кыкать и гыкать».

Наконец, жаль, что мало внимания уделено мягкости/твердости *m* и *d* перед передними гласными в освоенных и полuosвоенных словах иностранного происхождения вроде *Одесса*, *отель*, *тема* и т. п. Они ведь очень варьируются, и в свое время их произношение служило показателем общей интеллигентности, так как общего строгого правила здесь нет (см. выше о взглядах Г.О. Винокура на языковую норму).

Безусловно, этот теоретический раздел «Орфоэпические правила», созданный (в результате обсуждения с коллегами) Л.Л. Касаткиным, нужно было расположить в начале книги. Тогда необходимость дополнений и расширений во многих словарных статьях отпала бы: они вытекали бы из этой вводной теоретической части и объем Словаря был бы несколько уменьшен. Например, уже было бы ясно, что в словах на *-изм*, вроде *капитализм* и т. п., недопустимо произносить [из'м], было бы также ясно заранее, что старшее поколение может произносить [кэ] в словах, оканчивающихся на *-кий*. Точно так же пользователь уже заранее узнал бы, что такое орфоэпема, только приступая к работе со Словарем, а не на с. 939. А термин этот без пояснения используется в самом начале вводного текста к Словарю.

Обывателю хочется получить язык из рук кодификатора как нечто, напоминающее игрушку вроде лего-конструктора, понятную и простенькую. Между тем язык напоминает город вроде Москвы, которая строилась веками и в которой есть всё. Поэтому создатели Словаря неизбежно имели дело с противоречивыми факторами, и потому их решения также неизбежно противоречивы. Например, отличия «старшего» поколения и «младшего» не всегда возрастные. Так, выяснилось, что я принадлежу в некоторых пунктах к младшему поколению, а Розалия Францевна Касаткина – к старшему, хотя мы практически ровесницы. «Устарелое» произношение вроде *лав'ке*, *дэньгами* и др. было типично для стилизованной московской

молодежной речи конца 1970-х гг. Наконец, не проводится отчетливая граница между «старшим» и «устарелым».

Между тем можно предположить, что разница в произношении (по большей части это относится к произнесению консонантных кластеров) у старшего и младшего поколений не возрастная, а региональная. Конечно, я имею в виду пресловутую разницу московского и петербургского произношения. Поэтому у меня, родившейся в Ленинграде в семье потомственного петербуржца, и у коренной москвички Р.Ф. Касаткиной это различие вдруг проступило. В этой связи можно считать слишком суровым приговор «ленинградскому» произношению слова *что* (с. 911): **ЧТО** \ [ш]то (! *неправ.* [ч']то).

Обратимся, наконец, к пресловутому *звонит*. В словаре против этого слова стоит резкая запретительная помета. Однако ложный слух о позитивном включении такой словоформы в словарь разнесся широко, благодаря также поспешной клеветнической заметке в «Литературной газете» от 26 декабря 2012 г. «По ком звонит колокол?». (Как мне кажется, подобную лживую заметку, да еще со ссылками на беседу с М.Л. Каленчук, оставлять без опровержения было нельзя: время интеллигентского смирения прошло.)

Итак, обращаемся все-таки к формам, подобным *звонит*. За такими словоформами, столь распространяющимися и столь режущими слух интеллигентов, стоит все более заметный процесс динамики русского языка. А именно, неприятные на слух слова вроде *осужденный*, *ложить*, *включит*, *звонит* и им подобные отражают новую тенденцию русского произношения: тенденцию к **категориальности** в произношении, к стремлению выделить на слух наиболее важную и значимую часть слова: корень. О том, что славянские языки неизбежно приходят к категориальной подаче морфем, мы читаем и в работах В.А. Дыбо, Ю.А. Клейнера, противопоставляющих славянские языки германским, которые отличались этим свойством раньше, чем славянские. Некоторые слова прошли этот барьер легко, вроде *точит*. Объяснить появление в рецензируемом Словаре одинокого в этом плане *включит* невозможно, это какая-то уступка неизвестно кому и чему. В таком случае интересна для русистов запретительная (и, конечно, правильная) помета у словоформы *деньгами* (устар.), где как раз вы-

деляется корень. Возможно, здесь играет роль противопоставление «легкого» слога в корне «тяжелому» слогу окончания.

Как известно (особенно после блистательных наблюдений А.А. Зализняка), место ударения в профессиональной речи меняется по сравнению с исходным литературным и правильным образцом. А.А. Зализняк обратил внимание прежде всего на перенос ударения на окончание в словах типа *компасá*, *лифтá*, *тортá* и т. п. (Я помню еще довоенный период, когда говорилось: *Есть профессо́ры и есть профессо́ра*, с намеком на «красную профессуру» у последних.) Профессиональные особенности переноса ударения, разумеется, в Словаре представлены. Например, о слове *афа́зия* сообщается, что в речи врачей произносится *афази́я*. Но врачи говорят и *а́лкоголь*, однако против этой формы в словаре стоит запретительная помета. Такая же запретительная помета стоит и у профессионального медицинского произношения *боле́й*, *боля́м*.

Многое в Словаре, как выясняется, восходит на самом деле к многозначности русского слова *могут*. Оно обозначает и дарование сверху права на существование: *Пользоваться комнатой отдыха могут только сотрудники Института*; обозначает оно и эмпирическую фиксацию разных форм существования: *У русских женщин глаза могут быть различного цвета: от светло-серых до темно-карих*.

Это свойство словоформы *могут* ярко проступает и в рецензируемом Словаре. Словарь является одновременно и **прескриптивным**, и **фиксирующим**. Одновременно и запрещающим, и разрешающим, точнее, сообщающим. Говоря проще, статьи Словаря отражают баланс между узусом и нормой. Авторы и брали на себя кодификацию, и в то же время мягко отступали (не во всех случаях), принимая существующие в русской речи инновации. Противоречия в описании при этом неизбежны.

Неизбежно и то, что этот Словарь прочно войдет в русское и мировое языкознание. На него будут ссылаться, его будут обсуждать, его будут переиздавать.

Т.М. Николаева

Сведения об авторе:

Татьяна Михайловна Николаева
Институт славяноведения РАН